

Он стоял передо мной, уставясь в пол, переминался с ноги на ногу и громко сопел, пытаясь таким образом выразить свое негодование по поводу затянувшегося допроса.

— Ну и?.. — вздохнув, спросила я. Он поскреб затылок, поддал кроссовкой угол коврика, склонил голову ниже и засопел еще выразительнее. — Так, — удовлетворенно кивнула я, медленно наливая краской. Само собой, удовлетворение относилось не к тому факту, что Сенька молчит как рыба, намекая на свое присутствие лишь выдающимся сопением, а к тому, что я в очередной раз оказалась права: педагог из меня никудышный и со стороны сестры было чистым безумием попросить меня присмотреть за ее единственным и чересчур любимым чадом. Десять дней назад именно эту мысль я пыталась довести до ее сознания, когда она, позвонив часа в два ночи, с места в карьер заявила:

— Дарья, мы уезжаем.

— Свинство какое, — чуть не плача ответила я. — Я только что уснула, и вот пожалуйста.

— Не ворчи, — отмахнулась Машка, которая была на тринадцать лет старше меня и по этой самой причине верила, что совершенно необяза-

тельно считаться с моим мнением. — Ты слышала, что я сказала?

— Конечно. — Я потерла глаза и устроилась в постели поудобнее, зная склонность сестры к долгим телефонным разговорам.

— Ну и что?

— Что? — удивилась я.

— Мы уезжаем, — начала свирепеть Машка. — А ты даже не спросишь куда.

— Слушай, два часа ночи, чего ты от меня хочешь? Ну куда?..

— Мы едем на раскопки. В пустыню...

— Тоже мне новость. — Теперь я начала злиться: сестра у меня археолог, так же как и ее муж, и в этой самой пустыне они сидят безвылазно по девять месяцев в году, окончательно свихнувшись на черепках, костях, неолите и прочей совершенно недоступной моему пониманию ерунде. Впрочем, крамольных мыслей в присутствии сестры я никогда не высказываю. — Слушай, Машка, — жалобно начала я. — Вали в свою пустыню и позвони мне оттуда днем, а? У меня нормальный биологический цикл, ночью я сплю, хоть ты можешь мне и не поверить...

— Помолчи немного, — прервала сестра мои излияния. — Мы уезжаем через два дня. А у Сеньки каникулы. Что ему делать в пустыне?

По моему мнению, там и Машке делать было нечего, а уж ребенку тем более.

— Отправь его к бабушке, — понемногу приходя в себя, посоветовала я.

— Ты же знаешь, Марина Васильевна недавно перенесла операцию, ей нужен покой...

Тут до меня наконец-то дошло: Машкина све-

кровь поправляется после операции, другой близкой родни у нас не наблюдается, выходит...

— Э-э, — начала я не совсем уверенно. — Ты хочешь, чтобы я взяла Сеньку к себе?

— Конечно. На два месяца. У тебя же отпуск. Вот и отдохнете.

Вообще-то я планировала провести отпуск иначе.

— Слушай, а кто всегда считал, что мне нельзя доверять ребенка, что я его испорчу, все такое...

— Я и сейчас так считаю, но у меня нет выбора. В общем, я купила билет. Сенька приедет в среду, в 15.20. Обязательно встретить его, он непременно наберет груды всякого дурацкого барахла.

— Хорошо, — покорно сказала я. — Только потом никаких претензий. Я плохой педагог, и тебе это доподлинно известно, я не умею воспитывать детей, особенно твоего Сеньку, а если и воспитываю, то неправильно.

— Воспитывай как умеешь, домой вернется, и будем перевоспитывать. Значит, в среду, в 15.20. Не забудь.

В среду я, изнывая от жары, томилаься на вокзале, приехав туда где-то в половине третьего, автобус запаздывал, и я битый час торчала на солнцепеке. Видавший виды «Икарус» наконец возник из-за поворота, остановился, странно дернулся, а я подумала: «За сорокаминутное опоздание грех на него обижаться. Скорее удивляет, как эта развалина вообще смогла преодолеть четыреста километров». Дверь открылась, появились пассажиры, а я принялась высматривать Сеньку. Голова его тут же возникла в третьем окне, он улыбал-

ся и махал мне рукой. Я тоже замахала руками, неизвестно чему радуясь, а через пару минут любимый племянник оказался в моих объятиях.

— Рада, что я приехал? — спросил он, излучая довольство.

— Еще как, — ответила я.

— Меня на все каникулы отправили. До тридцатого августа. Здорово, правда?

— Я счастлива.

— А у тебя когда отпуск?

— С пятнадцатого июля.

— Класс, на рыбалку поедем, на Волгу, как в позапрошлом году? А еще можно в поход на великах...

— Можно, — согласилась я. То, что меня ожидает чрезвычайно активный отдых, сомнений не вызвало. Болтая таким образом, мы извлекали из багажного отделения сумки, я насчитала их восемь штук. — Что это такое? — удивилась я, когда Сенькино добро было выгружено и заняло все свободное пространство вокруг нас.

— Вещи, — пожал плечами племянник.

— Вижу, что вещи. В твоём возрасте я путешествовала налегке. И как, скажи на милость, мы допрем все это до машины?

На счастье, стоянка была недалеко, навьюченные, как верблюды, короткими перебежками мы добрались до нее и погрузили вещи в багажник.

— Дарья, — ликовал Сенька, — я так рад, что приехал к тебе...

Ну а теперь он вовсе не улыбался, а усердно сопел, не оставляя ковер в покое, ковырял его кроссовкой и томился под моим горящим взглядом.

— Объяснять ты ничего не хочешь, — кивнула

я. — Я, со своей стороны, не желаю видеть племянника инвалидом, а дело, судя по всему, идет к этому. Остается одно: дать телеграмму твоим родителям...

— Не надо, — торопливо сказал он.

— Надо, надо, ты почти калека, а я даже не знаю, в чем дело...

— Никакой я не калека, чего ты выдумываешь? — Сенька коснулся пальцами синяка под левым глазом прямо-таки выдающихся размеров и добавил: — Обычное дело...

В принципе, я была с ним согласна: синяк для четырнадцатилетнего мальчишки и в самом деле не бог весть что, да вот беда, его правый глаз украшал точно такой же синяк, приобретенный вчера, и тоже по обычному делу. Так как у Сеньки, как у всех нормальных людей, только два глаза, мне оставалось только гадать, в каком виде он появится завтра.

— Вчера ты неудачно упал с велосипеда, — добавив в голос суровости, напомнила я. — Упал с велосипеда и заработал синяк под глазом. Я не учинила тебе допрос с пристрастием, хотя сама, падая с велосипеда, обдирала колени или лоб, на худой конец. Но сегодня тебе все же придется объяснить, почему ты так упорно падаешь с велосипеда, и все на глаза.

— Это мое личное дело, — пробормотал он.

— Извини, теперь уже нет. Я за тебя отвечаю. Если бы твоя мать видела тебя сейчас, с ней бы случился нервный припадок. Отправляя тебя ко мне, она рассчитывала, что здесь ты по крайней мере в безопасности. И что?

— Что? — Теперь он вздохнул со всхлипом,

опустил плечи и принял самый что ни на есть покаянный вид.

— Ничего. Завтра же с первым автобусом к бабушке, а там к родителям в пустыню. В пустыне драться будет не с кем, на то она и пустыня.

— Я за правое дело, — торопливо сказал он.

— Само собой, — кивнула я. — А что за дело такое?

Он еще немного помялся, но все же ответил:

— Он фотографию отобрал. И не отдает.

— Фотографию? — не сразу дошло до меня. — Какую?

— Анину...

Аня — это, между прочим, Сенькина девушка. Он, как истинный влюбленный, носил ее фото с собой в одном чехле с проездным билетом.

— Зачем кому-то ее фотография? — нахмурилась я.

— Незачем, просто из вредности. Я ее Петьке показывал, а этот гад подошел и выхватил. Я говорю, отдай, а он всякие гадости... Я ему и врезал.

— А он тебе, — подсказала я.

— Между прочим, их было трое, а я один...

— Почему один, а Петька?

— Петька удрал. Испугался.

— Вот так друг. А на труса вроде бы не похож.

— Петька не трус, он испугался, Упыря все боются. И я боюсь, но ты сама всегда говоришь: со злом надо бороться и всяким гадам спуску не давать. А Упырь самый настоящий гад и есть.

«Вот уж что верно, то верно».

— Да где ж вас черт свел? — не очень педагогично рявкнула я. — Ведь Упырь к нам во двор не ходит.

— В парке. Мы с Петькой в тир пошли пострелять, а потом за мороженым. Сидели на скамейке, а эти сзади подошли. Упырь фотографию у Петьки вырвал... у меня бы не вырвал.

— Ясно, — пробормотала я. — А сегодня вы где встретились?

— Мы не встретились. Я сам к нему в парк ходил, чтоб фотографию вернуть.

— Вернул?

— Нет. Ну ничего...

— Завтра опять пойдешь? — кашлянув, спросила я, пытаюсь скрыть чувство глубокого неудовлетворения, всецело заполнившего мою душу.

— Пойду, — буркнул Сенька упрямо.

— Может, он уже разорвал ее?

— Нет. Он мне ее показывал. Дразнит...

— Ага, — только и нашла я что сказать, косясь на Сеньку. Племянника родители воспитывали правильно, всяким гадам в самом деле спуску давать нельзя, но теперь я этому обстоятельству была совсем не рада. Дело в том, что в нашем районе Упырь — личность известная. Парню семнадцать лет, школу давно бросил, родителям до него никакого дела. Собрал вокруг себя ребятшек лет пятнадцати и целыми днями шатается по улицам. Вечерами многие родители были вынуждены встречать своих деток, если их путь лежал через парк (обычное место дислокации Упыря с компанией), да и взрослые без особой нужды в парке появляться не решались. И вот теперь эта шпана прицепилась к моему Сеньке. Сама по себе ситуация не из приятных, а тут еще правильное воспитание: сиди племянник во дворе, глядишь, Упырь оставил бы его в покое, наш двор его не жаловал, и он его тоже, но

ведь Сенька сам на рожон лезет... Ну надо же... А до моего отпуска еще целая неделя, за это время мальчишку и в самом деле без ног оставят.

Я поднялась с кресла и подошла к Сеньке, вздохнула, а он наконец поднял на меня глаза, ясные и чистые, как небо в погожий летний денек, и под этим взглядом мне ничего не осталось, как широко улыбнуться.

— Пойдем примочку делать, — положив руку ему на плечо, сказала я.

Аккуратными кружочками нарезая помидоры, я то и дело поглядывала в окно. Сосредоточиться на приготовлении любимого салата никак не удавалось. Очень меня беспокоили Сенькины синяки и мучил вопрос: какого очередного увечья следует ожидать. То, что увечья будут, — не вопрос, Упыря я знала неплохо, а Сенька, как ни крути, прав: фотографию любимой девушки у негодяя следует отобрать. Только как это сделать мальчишке, когда его противник на три года старше, вдвое сильнее, да еще имеет привычку везде таскать за собой свору таких же головорезов?

Три года назад только благодаря моим стараниям Упырь, в миру Серега Клюквин, не был отправлен в исправительное учреждение для малолетних преступников, о чем я сейчас, по понятным причинам, очень сожалела. Впрочем, и без синяков на Сенькиной физиономии поводов сожалеть об этом было предостаточно; как я уже говорила, за три года Серега Клюквин из мелкого воришки сделался грозой района. Конечно, колония парню вряд ли бы пошла на пользу, зато жильцам соседних домов было бы много спокойнее. Но три года назад... Три

года назад я была наивной дурочкой, вот что. По Упырю тюрьма плачет, он туда отправится со дня на день, а вот если бы это произошло раньше, сейчас у меня не было бы головной боли.

Я отбросила нож в сторону, оперлась руками на край стола и тяжело вздохнула.

— Надо что-то делать, — пробормотала я под нос и вновь уставилась в окно.

Там не было ничего примечательного: двор, кусты боярышника и пес Кузя, отдыхающий в теньке возле своей будки. Пес был общедворовым: несколько лет назад появился неизвестно откуда и завоевал нашу любовь общительным и веселым нравом, хоть и выглядел внушительно, потому что был московской сторожевой. Я давала объявления в газету, но за Кузей никто не пришел. Общими стараниями возле гаражей ему соорудили будку, а кормили всем двором, зимой, когда становилось особенно холодно, пес жил в подъезде. Двор Кузя в одиночку никогда не покидал, должно быть, наученный горьким опытом, целыми днями носился с детишками и громким лаем оповещал о том, что во дворе чужие.

— Кузя, — позвала я, пес подошел, слегка потягиваясь, а я, перегнувшись через подоконник, дала ему сосиску. — У Сеньки два синяка, — решила я пожаловаться, понижая голос, чтобы племянник меня не услышал. — Упырь отобрал у него фотографию любимой девушки. Что ты на это скажешь? — Услышав об Упуре, Кузя насторожился. Упыря он терпеть не мог. Прошлым летом, воспользовавшись тем, что характер у пса на редкость благодушный, Упырь сыграл с ним злую шутку, правда, здорово поплатился за это. Терпеливый

Кузя пришел в бешенство и покусал мучителя, тому наложили двенадцать швов в районе тазобедренного сустава, и парень пару недель мог либо стоять, либо лежать на животе, но только не сидеть. Его мамаша, Валька Клюквина, на ту пору как раз пребывала в редком межзапойном состоянии и, явившись в наш двор, визгливо требовала уничтожить Кузю. Пса мы отстояли, и с тех пор у Кузи с Упырем пошла вражда. Упырь в нашем дворе появляться не рисковал, чему жильцы трех пятиэтажек были безумно рады.

Кузя проглотил сосиску, хитро посмотрел на меня и перевел взгляд в сторону, как раз туда, где между двумя домами был выход с нашего двора.

— Думаешь, следует Упыря навестить? — настояжилась я. Пес вполне отчетливо кивнул. Я потерла нос, покусала губы и наконец согласилась. — Ладно, по крайней мере мы должны выяснить, что происходит и как далеко все это зашло. Не могу я позволить, чтобы ребенка колотил какой-то там Упырь. — Я еще некоторое время распиналась в том же духе, скармливая собаке сосиски. Кузя ел степенно, не чавкал, время от времени поглядывая на выход со двора. Облизнулся и тихо тьякнул. Если честно, я всегда замечала за собой склонность к болтливости, а уж когда волнуюсь, тут просто беда какая-то: тараторю без остановки. Даже Кузя обратил на это внимание, мне стало стыдно, я сказала ему: — Жди, — отошла от подоконника, сняла фартук и прокралась к маленькой комнате.

Сенька крепко спал, свесив голову с кушетки. Я на цыпочках подошла к нему, осторожно сняла наушники, выключила магнитофон и спешно покинула квартиру. Кузя сидел возле подъезда. Я свистну-

ла, и мы, тревожно оглядываясь, отправились со двора. В основном оглядывался Кузя, как я уже сказала, покидать двор он не любил, но другом был верным, оттого и вышагивал рядом, хотя особого удовольствия от этого не испытывал.

Миновав гаражи, мы вошли в соседний двор. Пес насторожился.

— Для начала проведем разведку, — сочла необходимым пояснить я, чтобы он понапрасну не ломал себе голову. — А уж после этого отправимся к Упырю.

Не успели мы сделать и десяти шагов, как в кустах акации по-соседству что-то затрещало и на узкую тропинку выскочил мальчишка лет восьми и, едва не сбив Кузю (тот успел вовремя отпрыгнуть), опрометью бросился через двор и скрылся за углом двухэтажки, где располагался магазин. Только-только мы начали приходить в себя, как в кустах вновь раздался треск, затем послышался странный шлепок, кто-то охнул и громко сказал:

— Холера...

Кузя выразил недоумение легким шевелением ушей, а я полезла в кусты, потому что голос мне показался знакомым. С некоторой настороженностью раздвинув ветки, я увидела метрах в трех от песочницы нашего участкового Петровича, мужчину внушительной комплекции и совершенно лысого. В настоящий момент он, припадая на одну ногу, ковылял к песочнице. Лысина его приобрела брусничные оттенки, а я с удивлением отметила, что выглядит Петрович крайне непривычно: без головного убора да еще и в спортивном костюме.

— Петрович, — позвала я. — От тебя Чугунок улепетнул?

Участковый выпрямился, посмотрел на меня и бодро гаркнул:

— Здорово, Дарья.

— Здорово, — кивнула я, подходя ближе. Мы устроились на песочнице, а Кузя остался возле акации, бдительно поглядывая по сторонам.

— Куда направились? — спросил Петрович, потирая колено.

— Дело есть. Ты упал, что ли?

— Ну... За гаражами детвора костер разложила, в такую-то жарилу. Пришлось внушить. Пока огонь заливали, какой-то чертенок из кармана сигареты свистнул. Что ты будешь делать... одно слово: сорванцы. И как горох в разные стороны. Побежал за Чугунком, да где там... в коленке что-то щелкнуло. Не знаешь, чего это?

— Надоел ты мне со своей коленкой, — отмахнулась я. — Раз сто тебе предлагала: иди в наш реабилитационный центр. Врачи лучшие в городе и прямо напротив твоего дома, а тебе для своего здоровья лишний шаг лень сделать.

— Не ворчи, Дарья, пойду лечиться, вот ей-богу. В понедельник.

— Закормил понедельниками...

— Честно пойду... А чего у вас за дело с Кузей?

— Упыря ищем. Не видел?

— Зачем тебе Упырь? — искренне удивился участковый.

— Племяннику моему, Сеньке, наставил синяков. Боюсь, этим дело не кончится. Упырь у него фотографию отобрал, девчонка подарила, Сенька, само собой, в драку, ну и получил.

— А фотография?

— Фотография у Сереги. Добром не отдаст. А Сенька парень упертый...

— Есть в кого, — хмыкнул Петрович, затем протяжно вздохнул и поскреб в затылке. — Фотографию не отдаст. Скажет, потерял или выбросил. А Сеньку дразнить будет, на это он мастер... Надо что-то с Упырем делать. Замучил всех. Григорьев из сорок восьмой жаловался: колпаки свистнули. Ясно, что Упырь с дружками, так ведь не поймали.

— Упырь осторожный, — со злостью заметила я.

— Ну... твоими молитвами. Говорил я тебе тогда: пустое дело его от колонии спасти. Нутро у него гнилое, а ты: ребенок, ребенок... Вот теперь не ребенок, и самое ему в колонии место, а ведь не докажешь. Законы лучше меня знает, я ему слово, он мне пять.

— У него условный срок когда кончается?

— Месяц остался. А чего?

— Ничего, размышляю. А ты почему не при параде? — додумалась спросить я, глядя на выдавший виды спортивный костюм участкового.

— Так какой теперь парад? Третий день на пенсии. В субботу проводили.

— Ты на пенсии? — не поверила я.

— Конечно, — обиделся Петрович. — Все сроки вышли. Пора и молодым дорогу дать. А я уж на общественных началах...

— Кто ж у нас теперь участковый?

— Андрюшка Коломейцев, Марьи Петровны внук, из сто седьмого дома. Вот, пришел на смену... Правда, временно. Парень он неплохой, а что до молодости, так молодость не порок. Жизнь, она всему научит.

— Надо бы мне с ним встретиться, — заметила я.

— Ну, какой разговор. — Петрович посмотрел на часы. — Давай часа в три встретимся в моем кабинете... в его то есть. Потолкуем. С Упырем надо что-то решать. Зарвался парень.

— В три? — Я тоже взглянула на часы.

— Придешь?

— Приду.

Я поднялась и, кивнув Кузе, зашагала к кустам.

Андрея Коломейцева я помнила упитанным, веснушчатым мальчишкой, который вечно ныл и не давал покататься на своем велосипеде. А вот теперь он, оказывается, наш участковый. Впрочем, я тоже довольно давно не играю в «классики», и если я за это время успела закончить институт, то и Андрюхе ничто не мешало сделать то же самое.

Выбравшись из кустов, я огляделась и, сунув в рот два пальца, по-разбойничьи свистнула. Надо сказать, свистеть я умею мастерски, вызывая тем самым зависть у мужского населения района младше пятнадцати лет. Но и без того я человек в нашем районе довольно известный. Семь лет назад обо мне часто писали газеты, и не только областные. Я занималась художественной гимнастикой и кое-чего в этом виде спорта достигла. Правда, олимпийского «золота» так и не увидела. В девятнадцать лет, возвращаясь с дачи, я попала в аварию, и с большим спортом пришлось проститься. Поначалу это было нелегко, но раскисать я себе не давала, окончила институт и начала работать тренером в своей спортивной школе. Год назад, когда наш директор по состоянию здоровья ушел на пенсию, я совершенно неожиданно для себя оказалась на его месте единогласным решением коллектива, которое, что еще более неожиданно, охотно под-

держало начальство. Забот на меня свалилось столько, что горевать об олимпийском «золоте» просто времени не было. И теперь, размышляя о своей жизни, я могла с убежденностью сказать: что бог ни делает, все к лучшему.

Свистнув, я еще раз огляделась и вскоре заметила, как дрогнули ветви кустов напротив. Кузя тоже заметил, хотел тявкнуть, но, посмотрев на меня, флегматично отвернулся.

— Чугунок, — позвала я не слишком громко. — Вылазь.

Ветки раздвинулись, появилась невероятно чуждая физиономия, затем очам моим предстал Чугунок в полный рост, в драных шортах, ядовитокрасной майке и спросил опасно:

— Петрович где?

— Ушел. Кто сигареты украл? Воровать дело опасное. Могут по рукам дать, а курить вредно. Вроде бы мы с тобой беседовали на эту тему?

— Ага, — кисло ответил Чугунок. — Сигареты Валька спер, а я третий день не курю. В завязках. Я слово держу, ты ж знаешь.

— Знаю. Только чего ж Петрович за тобой припустился? Еще и ногу подвернул.

— Петрович ко мне придирается. Я тебе еще в тот раз говорил: чуть что, сразу Чугунок.

— Классно заливаешь, я сейчас прямо заплачу. — Он наконец приблизился, протянул мне ладонь, торопливо вытерев ее о штаны, и сказал:

— Здорово, Дарья.

— Здорово. Отойдем-ка в сторонку для разговора...

— Воспитывать будешь? — кисло поинтересовался он.

- У тебя мать есть.
- Теперь еще и папаша объявился. Ванька Косой, что у гастронома побирается, к мамке моей прибился, а вчера, не поверишь, говорит мне: Васятка, ты, говорит, Васятка, меня отцом зови. Отцом... вот умора. На хрена, скажи, мне такой папаша? Мне и мамки за глаза хватает.
- Мамка самогонкой торгует?
- Само собой.
- У нас участковый новый, предупреди мать, пусть поаккуратней.
- А наш Петрович?
- На пенсии.
- Дела. — Чугунок погладил Кузю и со вздохом заметил: — Новая метла по-новому метет. Поговоришь с ним?
- Поговорю.
- Ага... Мы ведь без этой самогонки с голоду подохнем.
- Знаю, — кивнула я. Мы немного помолчали, мысли у обоих были невеселые.
- Как у Сеньки глаз? — спросил Чугунок, которого по-настоящему звали Васькой.
- Нормально.
- Ага... Не лез бы он к Упырю. Ведь тот нарочно его дразнит.
- Не лез... а фотография?
- Пусть девчонка еще раз ему фотографию пришлет.
- Не в этом же дело, — вздохнула я.
- Понимаю. — Мы опять замолчали. — Дарья, — шмыгнув носом, сказал Васька. — Упырь в наш универсам повадился.

— Зачем? — не сразу сообразила я, занятая печальными мыслями.

— А ты подумай. Мать у него запойная, а пожать он любит. Только я тебе ничего не говорил.

— Само собой. Ты сегодня Упыря видел?

— Конечно. В парке, на его обычном месте. — Васька еще раз погладил собаку и, кивнув на прощание, растворился в районе гаражей. А мы с Кузей направились в парк.

Если честно, встречаться с Упырем мне совершенно не хотелось. Во-первых, потому что его физиономия сразу же напоминала мне о собственной глупости: будь я чуть умнее, наш район не страдал бы от выходов этого гаденыша, во-вторых, я была убеждена, что взывать к его совести дело зряшное и мы с Кузей понапрасну теряем время. Именно по этой причине всю дорогу до парка я хмурилась и тяжело вздыхала, так что Кузя сначала поглядывал на меня с недоумением, а потом и вовсе скис. Перед Кузей было стыдно, две недели назад, когда он занозил лапу я, оказывая медицинскую помощь, советовала ему быть оптимистом, хотя пес еще несколько дней после проведенной операции неловко скакал по двору на трех лапах. Советы давать легко, а как до дела дошло, оказалось, что у меня самой этого оптимизма кот наплакал. Кузя по доброте душевной напоминать мне об этом не стал, но я все равно сочла нужным пояснить:

— Если б дело касалось меня... а тут Сенька. Он же ребенок.

Кузя кивнул и пошел веселее, виляя хвостом, как видно, таким образом пытаюсь меня подбодрить. Через десять минут мы вошли в парк. Парк был небольшим, к фонтану, находящемуся в самом

его центре, вели четыре аллеи. Фонтан требовал ремонта, и включали его не чаще двух раз в год: двенадцатого июня и в День города. Не только фонтан, но и весь парк заметно хирел. Кусты не подстрижены, на клумбах при входе заморенные флоксы, скамейки сломаны... Мы с Кузей свернули с дорожки, миновали заросли сирени и вышли к деревянной беседке. На скамейке, закинув ноги на перила, сидели пятеро подростков, на проваленном полу валялись бутылки, окурки и прочий мусор, да и сами ребята выглядели так, точно их нашли на помойке. Парнишка с прыщавым лицом брэнчал на гитаре и выводил что-то в высшей степени заунывное, сидевший рядом с ним подросток лет четырнадцати решил было подпеть, но, увидев меня, расплескал пиво и страшно закашлялся. Упырь, восседавший в центре, тоже заметил меня и препротивно улыбнулся. Симпатичным прозвищем Серега Клюквин был обязан своей внешности: высокий, худой, с землисто-серым цветом лица, блеклыми, всегда воспаленными глазами, длинным носом и невероятно большими острыми ушами. Он здорово походил на летучую мышь.

Улыбка нисколько не украсила его физиономию. Даже если б он и не лыбился так глумливо, симпатичной ее никак не назовешь: несмотря на юный возраст, у Сереги отсутствовала половина зубов, а вторая половина выглядела так паршиво, что любой стоматолог мгновенно бы хлопнулся в обморок.

— Здравствуйте, — сказала я громко, Кузя сел копилкой и на всякий случай зарычал.

— Привет, — недружно ответили мне, гитарист

прекратил свой сольный номер, а Упырь презрительно сплюнул себе под ноги.

— Сергей, мне с тобой поговорить надо, — сказала я как можно спокойнее. Упырь хмыкнул, посмотрел на приятелей, кивнул и ответил лениво:

— Ну, говори.

— Ко мне племянник на каникулы приехал...

— А мне по фигу...

— Может, я договорю, а ты дослушаешь? Ты у него фотографию отобрал. Тебе она совершенно не нужна, а мальчишка переживает. Пожалуйста, верни фотографию и оставь Сеньку в покое.

— Я к твоему Сеньке не приставал, сам нарываюсь.

— Конечно, раз ты ему фотографию не отдаешь.

— И не отдам. Я ее в сортире повесил... — Он еще кое-что присовокупил, отчего пес заметно смутился, а я, вздохнув, сказала:

— Значит, не вернешь?

— Не-а. Сеньке своему скажи: пусть со двора нос не высовывает, не то худо будет... — Я на минуту задумалась.

— У тебя когда срок кончается, через месяц? — полюбопытствовала я.

Серега насторожился, но, взглянув на дружков, сказал вызывающе:

— А чего тебе мой срок?

— За месяц много чего случиться может. Я бы на твоём месте вела себя скромнее.

— А ты меня не пугай...

— Я тебя не пугаю, я объясняю. В месяце тридцать дней, а ты на дню по пять раз отмачиваешь шуточки, за которые по головке не гладят. Тридцать на пять — это много, на одной из этих шуток

я тебя поймаю, и мы простимся года на три как минимум, а мой Сенька пока и вправду во дворе посидит.

— Да пошла ты... — зло фыркнул Серега, но по всему было видно, что кое-какое впечатление моя речь на него произвела.

— Уже ухожу. Пойдем, Кузя, — кивнула я собаке и добавила: — А то блох подцепишь. А тебя, Упырик, я предупредила. Не оставишь Сеньку в покое — суши сухари.

Вдогонку мне понеслись презрительные вопли, правда не очень громкие, особо хамить мне местная шпана опасалась. В общем, как я и предполагала, наш поход ни к чему хорошему не привел. Было совершенно ясно: добром Серега фотографию не вернет, Сенька не отступит, значит, быть ему битым, а я отвечаю за парня перед его родителями, следовательно, необходимо что-то придумать, чтобы эту сказку про белого бычка прекрасить.

Возвращались мы молча, я — потому что напряженно мыслила, Кузя — потому что уважал чужое желание подумать. Пройдя мимо ЖКО, я взглянула на часы: без двух минут три. Самое время наведаться к участковому. Кабинет его размещался как раз в ЖКО, только имел отдельный вход с торца. Туда мы с Кузей и направились.

На скамейке возле крылечка с металлическим козырьком сидели Петрович и молодой мужчина в милицейской форме. В нем я без труда узнала Андрюшку Коломейцева. С момента нашей последней встречи он стал выше и упитаннее, но в остальном мало изменился: оттопыренные уши, веснушки, курносый нос и румянец во всю щеку. За-

видев меня, новый участковый поднялся, надел фуражку, которая до той поры лежала на скамейке, и попытался придать себе вид бравого вояки, втянув с этой целью живот и расправив плечи. И я и он знали, что долго так ему не продержаться, но Андрюха старался изо всех сил, а я за труды наградила его своей лучшей улыбкой.

Петрович торопливо затушил сигарету, вскочил, чертыхнулся, вспомнив о больном колене, и сказал:

— Ну вот, знакомить вас не надо.

— Здравствуйте, Дарья Сергеевна, — кивнул Андрюха и даже взял под козырек, правда, тут же смягчил официальное приветствие застенчивой улыбкой.

Надо сказать, милиция в родном районе меня уважала. Дело в том, что несколько лет назад я прославилась на весь город, поймав маньяка. Этот самый маньяк терроризировал население в течение года. Когда нападению подверглась шестая по счету девушка, многие предлагали ввести в городе чрезвычайное положение. Население охватила настоящая паника, а милиция буквально сбилась с ног. Неизвестно, как долго бы это продолжалось, если бы в один из вечеров, возвращаясь со стадиона после обычной пробежки, я не повстречалась с маньяком в том самом парке, который теперь облюбовал Упырь. Я шла мимо фонтана, когда некто весьма зловеще зашептал, ухватив мою шею одной рукой и приставив к груди нож другой: «Здравствуй, красавица», — после чего я наглядно продемонстрировала, что художественная гимнастика — это не только прыжки с ленточкой, но еще и хорошая физическая подготовка. В результате маньяк был доставлен мною в районное отделение мили-

ции связанный прыгалками. На них я и вела его, чтоб не сбежал по дороге. Впрочем, попыток сбежать он даже не предпринимал, загрустил, потом захихикал и стал симулировать сумасшествие, хотя я его сразу предупредила: стараешься, мол, зря, по мне хоть смейся, хоть плачь, но в милицию я тебя непременно определю. Маньяк, который, ко всеобщему изумлению, оказался заслуженным работником искусств и руководителем хора ветеранов при областном Дворце культуры, во всем покаялся, граждане вздохнули с облегчением, а я удостоилась похвалы и хрустального сосуда неопределенного назначения с дарственной надписью «Дарье Агафоновой от сотрудников УГРО Октябрьского района». Сосуд был выставлен мною на самом видном месте в гостиной. Доступ к нему был открыт (он стоял на специальной подставке), и оттого сосуд часто пылился, я ежедневно натирала его до блеска, чтобы награда выглядела достойно, и в конце концов буковки стерлись. Теперь, разглядывая его на свет, прочитать при некоторой сноровке можно было два слова «... Агафон...сотрудник...». Чтобы лишний раз себя не травмировать, я убрала сосуд в шкаф и больше никому его не показывала.

Боль об утраченной надписи внезапно кольнула сердце, когда я пожимала руку новому участковому.

— Чего ж, в кабинет пойдём или, может, на свежем воздухе? — спросил Петрович и маятно вздохнул, в роли пенсионера он чувствовал себя неловко.

— Лучше здесь, — сказала я и устроилась на скамейке.

— Ваша собака? — улыбаясь, спросил Андрей,

протянул к Кузе руку с намерением погладить его, но в последний момент передумал.

— Он не кусается, — успокоила я. — Пес общий, дворовый. А мы с ним друзья.

— Хорошая собачка, — осмелел участковый и погладил Кузю. — Как звать?

— Кузя.

Петрович извлек из кармана спортивных штанов кусок сахара, подул на него со всех сторон и сунул Кузе.

— На-ка сахарку. Вот ведь, псина, а сладкое любит, точно дите малое.

— Я тоже сладкое люблю, — сказал Андрей и смутился. Мы переглянулись с Петровичем и дружно вздохнули, а Андрей покраснел.

— Андрей Петрович, — с большим усердием покашляв пару минут, начал бывший участковый, участливо косясь на нынешнего. — Упырь вконец обнаглел. Вон и Дарья Сергеевна на него жалуется. Племянника ее избил, отнял фотографию. Надо с ним что-то делать.

— Ага... — нерешительно кивнул Андрей и, покраснев еще больше, спросил: — А кто такой этот Упырь?

— Серега Клюквин, — подсказала я. — Весь район от него стонет.

— Проведу беседу.

— Только что, — нахмурилась я, а Андрюха приоткрыл рот, да так и замер, а мне пришлось пояснить: — Беседу я с ним только что проводила. По-моему, плевать ему на наши беседы.

— Плевать, — убежденно кивнул Петрович. — Сажать его надо. — Взглянул на меня, нахмурился

и заметил не без злорадства: — Еще три года назад...

— Ну, посадили бы его три года назад на пару лет, — отмахнулась я, — он бы уже вышел и так же нервы трепал. Дело-то не в этом.

— А в чем? — Петрович поскреб затылок и уставился на меня с таким видом, точно ожидал услышать откровение свыше.

— В том, что обстановка в районе в целом неблагоприятная.

— А... — Бывший участковый махнул рукой и скривился: — Удивила. Где она благоприятная, скажи на милость? Да если хочешь знать, наш район по воспитательной части и раскрываемости на первом месте. Краж у нас в два раза меньше, чем у соседей, ни одного изнасилования... тьфу-тьфу, с тех пор, как ты своего маньяка поймала...

— Общего, — уточнила я.

— Да пес с ним... твой или общий, главное — избавились, так что на район зря не наговаривай, а на вверенной мне территории... — Тут Петрович взглянул на спортивные штаны, в которые был облачен, отчаянно махнул рукой и скис, а Андрей подал голос:

— А этот самый Клюквин...

— Этот самый Клюквин у меня дождется, — неожиданно разозлилась я и даже для чего-то вскочила со скамьи, Кузя забеспокоился и ненавязчиво твякнул. — Мне на ваши показатели наплевать, когда у племянника два глаза, и оба подбиты. Он мне вверен родителями, как вам территория.

— Да, уважаемая Дарья Сергеевна, — покачал головой Петрович. — Смотри, как заговорила. Пока Упырь другим покоя не давал, ты все про

воспитание твердила, а как пострадал родственник, так к милиции претензии, сажайте, мол... Давай посадим. Дело нехитрое, стоит только захотеть. На нем сейчас висит условный срок. Поймай на любой мелочи, да хоть на той же дворовой драке, и загремит...

Я опустила на скамейку, косясь на бывшего участкового; конечно, он прав, оттого вдвойне обидно.

— Ну так что? — ядовито спросил он. — Сажаем?

Я посмотрела на него, на нового участкового, слабо мерцавшего глазами и только этим отличавшегося от каменного болвана, что украшал фонтан в нашем парке, и ответила:

— Я сама с ним разберусь.

— Беседовать будешь? — подсказал Петрович и ехидно добавил: — Ты ему лекцию о культуре поведения, а он Сеньке твоему синяк.

— Никаких лекций, — отрезала я и кивнула Кузе.

— Дарья, — позвал Петрович вроде бы испуганно. — Ты чего надумала?

— Чего надумала, дело мое, а ты за показателями следи. — С этими словами я зашагала в сторону своего двора. Бывший участковый ковылял следом.

— Чего ты разозлилась? — бубнил он. — На мои слова обижаться нечего. Беда с этим Упырем, как о нем заговорим, так обязательно разругаемся. Сажать его надо, вот что хошь со мной делай, а его место в тюрьме.

Андрей Петрович с совершенно ошарашенным видом догнал нас и пробормотал испуганно:

— Мы ж поговорить хотели, о ситуации... наметить мероприятия... вы, как активисты...

— Да разве с ней говорить можно, коли вожжа под хвост попала, — расшвырянул бывший участковый. — Вон несется, точно угорелая, а у меня колесо...

В этот момент я замерла как вкопанная, ибо в голову мне пришла одна идея. Пока я ее обдумывала, Петрович с Андреем смогли меня догнать. Бывший участковый запыхался, физиономия его алела более обыкновенного, а в целом выглядел он совершенно несчастным, впрочем, вид нынешнего оптимизма тоже не внушал.

— Ну, чего ты? — отдышавшись, спросил Петрович.

— Я вроде утюг забыла выключить, — пробормотала я.

— Так я и поверил. Говори, чего задумала?

Покачав головой, я вздохнула:

— Упырь гаденыш, но не в тюрьму же его сажать. Отец в тюрьме сгинул, мать запойная, с пяти лет парень на улице, и, если серьезно, ничего особенно подлого он еще сделать не успел...

— Ага. Давай подождем, пока он кого-нибудь зарежет...

— Петрович, собрание окончено, у меня дома утюг.

На рысях я устремилась к родному подъезду, слыша, как бывший участковый кричит вдогонку:

— Все ты врешь... утюг. Упыря сажать надо... Сажать, слышишь, что говорю?

— Сажать, сажать, заладил, — проворчала я. Мы вошли в квартиру, пес отправился в кухню, а я осторожно заглянула в маленькую комнату, убедилась, что Сенька все еще спит, после чего присоединилась к Кузе. Тот сидел возле холодильника и

пожирал его взглядом. — Сосисок нет, — сообщила я. — Могу сделать тебе бутерброд с маслом.

Кузя, натура неприхотливая, согласился и на бутерброд. Мы малость перекусили в молчании (Кузя к своему питанию относился серьезно и во время приема пищи болтовни не терпел).

— Что ж, — сказала я, когда по окончании трапезы убирала со стола, а Кузя довольно облизывался, — Петрович прав: на поверку оказалось, что я... Ладно, чего я тебе объясняю, ты и так все знаешь. На Упыря мои слова не действуют, придется брать на вооружение запрещенный прием. Это мне не по душе, но кровные узы, и все такое... Ты меня слушаешь? — нахмурилась я, заметив, что Кузя вновь устался на холодильник. — Между прочим, тебе худеть надо... — Эта мысль псу не понравилась, он оторвал взгляд от холодильника и преданно уставился мне в глаза. — Придется нам малость поработать. Для начала понаблюдать за Упырем и попробовать прижать его к стенке.

И мы пошли наблюдать за Упырем, то есть отправились все в тот же парк и битых два часа просидели в кустах по соседству с беседкой. Упырь с дружками, судя по всему, собирался встретить в парке свое пятидесятилетие, по крайней мере за два часа он никуда не отлучался и даже с лавки поднялся лишь однажды, чтобы справить нужду тут же возле скамейки, прямо себе под ноги. Просидев два часа, понаблюдав и послушав, о чем говорит Упырь с дружками, я пришла к выводу, что жизнь у него до того тоскливая, что тут не только посереешь и заостришься ушами, но и вовсе с катушек съедешь. Я представила, что он вот так день за днем сидит в этой беседке, пьет пиво, материт-

ся, пытается исполнить песню, в которой знает два куплета, да и те перевирает, а потом идет домой, где в грязной комнате с давно не мытыми окнами без занавесок нет даже телевизора, и Упыря мне стало жалко. Но я тут же вспомнила о пострадавшем племяннике и строго-настрого запретила себе отвлекаться на вопросы Упыриного воспитания. Моя задача исключительно проста: прижать этого несовершеннолетнего хулигана к стенке и заставить вернуть фотографию Сенькиной девушки, а над педагогикой можно поломать голову и позднее.

Было уже семь часов вечера, Сенька наверняка проснулся и хочет есть, а у меня ужин не готов... Ладно, он вполне способен поджарить яйца и сделать салат из помидоров... Упырь сидит как приклеенный, в конце концов, и ему пора проголодаться. Точно услышав мои мысли, Серега Клюквин вдруг поднялся и сказал, лениво потягиваясь:

— Пойду пожрать куда-нибудь...

— Сегодня в «Торнадо» ночная дискотека. Заглянем? — спросил парнишка с гитарой. Крупный подросток со свежим шрамом на подбородке сплюнул и сообщил:

— Там теперь охрана...

— Подумаешь.

— Говорю, там охрана. Два амбала, кулаки как гири. Вован вчера сунулся, так они его враз завернули...

— Откуда охрана? — проявил интерес Упырь.

— Почему я знаю?

— Значит, накрылась дискотека, — вздохнул гитарист.

— Это мы еще посмотрим, — процедил Упырь и зашагал в сторону аллеи.

— Где встречаемся? — крикнул вдогонку мордастый.

— Где обычно, — ответил Упырь, не оборачиваясь. Мы с Кузей выбрались из кустов и пристроились за ним на значительном расстоянии.

Впрочем, предосторожность оказалась совершенно излишней. Упырь ни разу не оглянулся. Очень скоро стало ясно, что направляется он в универсам, расположенный в трех кварталах от парка. Само собой, мы с Кузей, все еще держась на почтительном расстоянии от объекта, направились туда же. Возле самых дверей я притормозила, прикидывая, стоит ли входить в магазин или лучше дождаться Упыря здесь. В конце концов мы вошли и уперлись взглядом в красочно оформленное предупреждение на стене: «Вход в магазин с животными строго воспрещен». Кузя загрустил, а я пожалала плечами.

— Сиди здесь, — сказала я. — Упыря ни в коем случае не выпускай. Если мы сегодня дело заведем, он станет осторожнее и взять его с полочным будет нелегко.

Кузя занял позицию возле двери, а я прошла в торговый зал, ненавязчиво оглядываясь. Упыря нигде не было видно. Делая вид, что очень интересуюсь соком, я не спеша продвигалась вдоль лотков, продолжая поглядывать по сторонам, и наконец заметила Упыря — он был в отделе мясной продукции. Так же, как и я, он огляделся и с виртуозностью фокусника, подхватив ветчину в упаковке, сунул ее в карман широких штанов.

— Очень хорошо, — удовлетворенно кивнула я и торопливо отошла в сторону, чтобы Клюквин, не дай бог, меня не заметил.

Я не спеша двигалась в сторону касс, время от времени наклоняясь, чтобы проверить, двигаются ли в том же направлении ноги, обутые в дырявые кроссовки с вызывающей надписью «Nike». Поначалу все шло нормально, они двигались как положено и вдруг исчезли. Я озадаченно замерла в нелепой позе, но поспешила выпрямиться, не хватало только, чтобы меня кто-нибудь застукал в таком виде. В конце прохода появилась женщина с девочкой-подростком, а я торопливо схватила какую-то банку и принялась вертеть ее в руках, изо всех сил изображая к ней повышенный интерес. Женщина приближалась, как будто вовсе не обращая на меня внимания, а я, вернув банку на полку, сделала пару шагов в сторону касс и плечо к плечу столкнулась с Упырем. Справедливости ради следует отметить, что он перепугался больше, чем я. Охнул и вроде бы даже побледнел, чужой страх придал мне бодрости, я широко улыбнулась и сказала:

— Привет, Упырек.

— Уже виделись, — кисло ответил он, торопливо завернул в соседний отдел, а я мысленно чертыхнулась: судя по всему, мой гениальный план сыграл в ящик. Застукав меня по соседству, Упырь насторожится, вернет копченость на место, а я останусь с носом. Любой другой человек на моем месте, почертыхавшись вволю, отправился бы восвояси, ожидая, когда в его голове созреет очередной гениальный план, но я, постояв столбом не больше трех минут, удостоилась озарения и на цыпочках легкими перебежками устремилась в отдел, где только что исчез Упырь. Там его не оказалось, и, вызывая недоумение у редких покупателей, я

тем же манером продвинулась к кассам и вот тут увидела Клюквина. Он шел к турникету с намерением покинуть магазин. В три прыжка я оказалась рядом и ухватила его за плечо; Кузя, через стекло приметив мой маневр, тут же возник в досягаемой близости и, сев копилкой, продемонстрировал зубы своему бывшему мучителю. Хотя я и считала Кузю добрейшим в мире созданием, но сейчас была вынуждена признать, что выглядит он впечатляюще. Наверное, то же самое подумал Упырь, потому что вместо того, чтобы сбросить с плеча мою руку, он хмуро спросил:

— Ты чего, спятила?

— По-моему, ты кое-что прихватил, — как можно ласковее сообщила я. — Кое-что, что тебе не принадлежит.

— Очень умная, да? — заявил он презрительно. — Может, еще что скажешь?

— В милиции разберемся.

Стоило мне сказать о милиции, как она не замедлила явиться в лице нашего нового участкового Андрюхи Коломейцева. Он вошел в магазин, посмотрел по сторонам и, заметив нас, направился в сторону турникета.

— У тебя минута, не больше, — прошипела я на ухо Упырю.

— Испугала... пустышку тянешь...

— Еще чего. Мы с тобой случайно столкнулись возле банок с соком, а после этого у меня пропал кошелек. Тетка с клетчатой сумкой пойдет свидетелем, налетел ты на меня очень подозрительно, а теперь отгадай, где мой кошелек?

— Чего? — не понял Упырь, а я дурашливо пропела, безбожно шепелявя:

— Коселек, коселек... Какой коселек? Ты телик смотришь?

Рука его потянулась к карману, но я ее перехватила, а Кузя злобно зарычал.

— Это нечестно, — пробормотал Упырь, испуганно прикидывая расстояние, отделяющее от него участкового.

— А втроем бить четырнадцатилетнего мальчишку честно? — разозлилась я.

— Чего ты хочешь? — В этот момент участковый как раз оказался рядышком, я отпустила руку Упыря и сказала ласково:

— Верни фотографию.

— Какую? — начал он, но, взглянув на Андрюху, загрустил, валять дурака ему расхотелось, и он сообщил со вздохом: — У меня ее нет...

— Да неужто? — не поверила я, улыбаясь еще ласковее. — А куда она делась, ты, случаем, не помнишь?

Упырь посмотрел на нас по очереди, задержав взгляд на Кузе, которому, судя по всему, просто не терпелось цапнуть своего врага, и вздохнул вторично:

— Она у Зюзи.

— Здорово. А зачем она Зюзе? Он что, фотографии коллекционирует?

Участковый, в продолжение нашего разговора не проронив ни слова, стоял рядом и, как видно, пытался понять, что происходит. С Упыря он глаз не спускал и выглядел достаточно решительно.

— Так что там Зюзя? — напомнила я.

— Он на ней номер записал.

— Какой номер? — Я здорово разозлилась и скрывать этого не собиралась.

— Номер машины. — Упырь окончательно

сник, смотрел себе под ноги и говорил так тихо, что приходилось здорово напрягать слух, чтобы понять, чего он там бормочет.

— Объясняй как следует, — вконец рассвирепела я, Кузя тьякнул, а участковый протер к нам руку с непонятным намерением; Упырь расценил этот жест по-своему и заговорил торопливее, а главное, громче:

— Мы в парке сидели, как всегда, а тут Зюзя подошел... Мы сидим, и вдруг тачка от старой проходной подъехала, а Зюзя шею вытянул и стал вроде как не в себе, а потом говорит: «Дай карандаш и бумагу». Карандаш у нас был, мы на столе очки пишем, а бумаги нет. И я фотку отдал. Он на ней номер записал и взял ее с собой.

— Чего ты вкручиваешь? — пристыдила я, а Упырь обиделся:

— Ничего не вкручиваю, говорю как есть.

— А где Зюзя живет? — немного поразмышляв, спросила я.

Упырь закатил глазки, вздохнул, покачал головой и опять вздохнул; проделав все это и сообразив, что сия пантомима не произвела на меня ровным счетом никакого впечатления, загрустил и сказал с неохотой:

— Откуда мне знать? Я чего с ним, детей крещу?

— Детей вам только псих доверит, — в свою очередь, вздохнула я и, свистнув Кузе, пошла к выходу.

Андрюха, немного постояв столбом, очнулся и устремился за мной, а Упырь крикнул:

— А кошелек?

— Ты что, спятил? — обиделась я. — Я ж не Жеглов.

— Ну, Дарья... — Клюквин хотел что-то еще сказать, но передумал и ломанулся к стеклянным дверям, сметая все на своем пути; по счастью, ничего, кроме этих самых стеклянных дверей, ему не препятствовало покинуть магазин, и вскоре он уже исчез за углом, а участковый, оказавшись на улице, неожиданно обрел дар речи.

— Кто такой Зюзя? — спросил он.

— Откуда я знаю.

— Дарья Сергеевна! — Голос его звучал строго, а выражение лица точь-в-точь как у нашей учительницы на лабораторной работе по химии, когда она, вышагивая между партами, бдительно следила за реактивами в детских руках, в любой момент готовая залечь на пол.

— Отвяжись, — буркнула я, Андрюха покраснел, а я со злостью добавила: — Чего ты заладил: Дарья Сергеевна, Дарья Сергеевна. Ты ж до пятого класса со мной в одном дворе рос. Или не помнишь?

— Помню, — широко улыбнулся Андрюха. — Ты мне еще по носу дала. Бабушка к твоей маме жаловаться ходила...

— Так ты велик зажал. Не давал прокатиться...

— Ага.

— Ладно, пошли, — махнула я рукой, не удержавшись и съязвила: — Черт-те что творится на твоей территории.

— А чего творится-то? — испугался он.

— Ты что, не слышал? Фотографию забрал какой-то Зюзя. И как я ее верну, скажи на милость?

— Так чего ж мы Клюквина отпустили? Надо было его допросить.

— Скажет он тебе, как же... а может, и в самом

деле не знает. А вот ты знать обязан. Петрович всю шпану как свои пять пальцев знал...

— Я второй день и...

— А как ты в магазине оказался? — остановилась я, Андрюха тоже замер и неохотно пояснил:

— Я... за тобой приглядывал.

— Что? — Глаза у меня полезли из орбит, а Кузя жалобно заскулил, качая головой.

— Я в смысле помощи, — затараторил Андрюха. — Мало ли что...

— Очень много от тебя толку, — заметила я презрительно и, кивнув на прощание, зашагала к дому.

Во дворе в беседке, с одной стороны обвитой хмелем, сидел Сенька в компании Петьки и вечно чумазого Чугунка. Все трое грызли семечки с таким унылым видом, точно с минуты на минуту ожидали конца света.

— Ты ужинал? — подойдя ближе, спросила я племянника.

— Ага. Спасибо.

— Пожалуйста.

Я села на скамейку и покосилась на Чугунка.

— С новым участковым говорила? — бросив горсть семечек голубям, спросил он.

— Поговорю. Пока случай не представился.

— Как он вообще?

— Нормально, в нашем дворе рос до пятого класса. Можно сказать — свой человек... А ты, слушаем, Зюю не знаешь?

— Зюю? — Чугунок несказанно удивился и даже вытянул шею на невероятную длину, чтобы иметь возможность заглянуть мне в глаза.

— Ты ж слышал.

— Слышал. Зачем он тебе?

- Знаешь или нет?
- Зюзя не из наших, он крутой.
- Да неужто? — презрительно кривя губы, осведомилась я. — Чего ж это твой крутой с Упырем дружит?
- Упырь врет, цену себе набивает.
- Ясно. И чем твой Зюзя знаменит?
- А ты не вредничай, а то я с тобой разговаривать не буду. Про Шмеля слышала?
- Ну...
- Его парень. Соображаешь?
- Не очень, — созналась я. — А где живет этот Зюзя?
- Не знаю, — покачал головой Чугунок. — Где-то недалеко. Я его часто встречаю. Хотя, может, он здесь по делам бродит. Это ведь их район.
- В каком смысле? — нахмурилась я.
- Ох, Дарья, — тяжело вздохнул Чугунок. — На тебя как накатит, так ты точно моя мамка: ну дура дурой.
- Вот сейчас влеплю затрещину, — рассвирепела я, но Чугунок уже спрыгнул с лавки и, присев на корточки рядом с Кузей, стал его наглаживать.
- Может, мне с ним пожить? — вдруг сказал он.
- Где? — обалдела я.
- В конуре. Она у него просторная, места хватит.
- Спятил совсем, — фыркнула я и зашагала к подъезду.

Мое кухонное окно выходит во двор. Делая вид, что в кухне у меня накопились неотложные дела, я то и дело поглядывала туда, наблюдая за беседкой. Где-то через час Сенька кивком попрощался с дру-

зьями и направился в сторону гаражей, я метнулась к окну и гаркнула:

— Сенька! — Он весьма неохотно приблизился. — Куда это ты собрался? — сурово поинтересовалась я.

— Прогуляюсь.

— С таким украшением на физиономии лучше во дворе сидеть.

— Да я недалеко...

— В парк, что ли? — Он, по обыкновению, стал разглядывать свои кроссовки, а я со вздохом сообщила: — Нет у него фотографии. — Головы он не поднял. — Честно, нет. Какой-то его знакомый на ней номер машины записал и унес с собой.

— Зюзя?

— Что? — опешила я.

— Фотографию Зюзя унес?

— Нет. Не знаю...

— А сама всегда говоришь, что врать нехорошо.

— Ну-ка быстро домой! — рявкнула я, теряя терпение. Сенька повиновался, устроился за столом на кухне и даже выпил чаю. Вид он имел отрешенный, и меня это здорово беспокоило. — Слушай, — не выдержала я, — этот Зюзя наверняка ее уже выбросил. А твоя девушка вполне может сфотографироваться еще раз.

— Конечно, — согласился Сенька с таким видом, что я сердито швырнула в мойку чашку и удалилась с кухни, хлопнув дверью.

Спала я в ту ночь плохо, а лишь только начался рассвет, выпила кофе и, покинув квартиру, побрела в сторону стадиона «Строитель», где в ветхой пятиэтажке проживал Петрович. Возле его дома я начала мучиться угрызениями совести: в такое раннее

время к людям не заглядывают, тем более что Петрович теперь и не участковый вовсе, а заслуженный пенсионер. Чертыхнувшись, я прошла к открытым воротам стадиона и замерла в некотором недоумении. Насколько мне было известно, увлечение Петровича спортом сводилось к регулярному просмотру футбольных матчей по телевидению, но сейчас он собственной персоной суетился возле песка для прыжков в длину и что-то там замерял. Моргнув раза три и даже тряхнув головой с намерением избавиться от галлюцинаций и ничего этим не достигнув, я приблизилась, устроилась на травке чуть в сторонке и спросила, глядя на часы:

— Рановато для занятий физкультурой.

— Не спится, — бодро отозвался бывший участковый. — Да и неловко как-то, еще смеяться начнут... А ты чего в такую рань?

— Петрович, ты Зюзю знаешь?

— Зачем он тебе?

— И что ты за человек? — возмутилась я. — Никогда не ответит: да, мол, знаю, или нет, не знаю, сразу вопросы задавать.

— Ну, знаю я Зюзю. Совершенно непутевый парень. Наркоман. Что с такого возьмешь? Родители у него хорошие люди, отец начальником мастеровских на заводе работал, пытались его лечить, без толку. Купили ему «малосемейку» и рукой махнули. А что с таким сделаешь?

— А живет на что?

— На что они живут? Правда, ни на чем таком он ни разу не попадался.

— А какие у него отношения со Шмелем?

— Со Шмелем? — Бывший участковый отряхнул спортивный костюм. — Какие у них могут

быть отношения? Валентин Владимирович у нас фигура, а Зюзя что? Тьфу... Наркоша, одним словом. Так зачем он тебе случился?

— Так, интересуюсь. А где живет этот Зюзя?

— В «малосемейке», за универсамом. Номер квартиры не помню, первый этаж, последняя дверь по коридору, окна во двор. Навестить хочешь? Может, все-таки сообщишь, с какой целью?

— Сообщу, если в гости соберусь, — пообещала я и, сделав три обычных круга по стадиону, отправилась домой, а затем на работу.

Ближе к двенадцати я собралась домой, чтобы накормить Сеньку обедом и проверить, чем он занят. Путь мой лежал мимо универсама, и я вроде бы между прочим свернула во двор, где находилась «малосемейка», в которой жил Зюзя. Могу поклясться, что никакой цели у меня не было, возможно, чуть-чуть любопытства, но серое девятиэтажное здание выглядело так уныло, что любопытство разом испарилось. Скорее из упрямства я немного постояла возле детской песочницы, плясь на первый этаж и прикидывая, какую угловую квартиру Петрович имел в виду. Мимо проходила старушка с большой хозяйственной сумкой, полминуты назад она вышла из подъезда «малосемейки», и я совсем было собралась обратиться к ней с вопросом, но вовремя вспомнила, что ни имени, ни фамилии Зюзи я не знаю, а спрашивать: «Вы не скажете, в какой квартире живет Зюзя?» — сочла неуместным. Между тем женщина посмотрела на меня как-то чересчур пристально и вдруг спросила:

— Кого-нибудь ищите?

Грех было не воспользоваться предложением что-либо разузнать, и я затараторила:

— Не скажете, в угловой квартире на первом этаже кто живет?

— Я живу, — насторожилась она, взгляд ее стал не просто пристальным, он прожигал насквозь. Тут я обратила внимание на внешность женщины, то есть заметила не только хозяйственную сумку и благородную седину, но и кое-что еще. Этого «еще» было более чем достаточно, чтобы спешно ретироваться со двора и навеки забыть сюда дорогу, ибо бабуля походила на нечто среднее между бультерьером и сержантом срочной службы.

В общем, надо было либо бежать сломя голову, либо внятно, а главное, правдоподобно объяснить свое присутствие во дворе, чтобы не оказаться разорванной на части.

— Сестра встречается с молодым человеком, — надеюсь, что мои глаза являются в настоящий момент зеркалом честнейшей в мире души, начала я. — Знаю, что живет он здесь, на первом этаже в угловой квартире. Их дружба мне не очень нравится, я хотела бы встретиться с его родителями...

— Нет у него никаких родителей, — порадовала меня женщина, как видно, не в силах дожидаться конца моей тирады, и ткнула пальцем в правый угол дома. — Не знаю, что у вас за сестра. — В этом месте старушка-фельдфебель окинула меня взглядом, здорово напоминающим рентген, но, как будто не обнаружив в моем анатомическом строении никаких отклонений от нормы, заметно смягчилась и добавила совершенно другим голосом: — Парень он совсем пропащий. — Голос понизился до шепота. — Наркоман. Об этом вся улица знает, а участковому наплевать. Сто раз ему говорила: убери его отсюда... — Старушка махнула рукой и закончила

совершенно неожиданно: — В милиции одни жулики. — Рванула с места, бросив через плечо: — Спасайте сестру.

Я трянула головой, пытаюсь прийти в себя, и сделала несколько шагов в сторону окон Зюзиной квартиры. Надо сказать, что прямо напротив них, ближе к забору, метрах в пяти от тротуара произрастали кусты акации. И тут я вдруг уловила движение в кустах, а затем заметила мелькнувшую между веток футболку, белую с синими полосами. Точно такая или очень похожая имелась в гардеробе племянника, поэтому, ускорив шаги, я раздвинула ветки и увидела Сеньку в компании Чугунка. Чугунок попытался спрятать сигарету, а Сенька сделал страшные глаза и чересчур испуганно пролепетал:

— Только маме не говори.

Я ухватила племянничка за уши и максимально приблизила его лицо к своему, после чего, мрачно усмехаясь, могла констатировать: табаком от него не пахнет. Дураком парень не был и заметно скис. Я обратила свой взор на Чугунка, который торопливо прятал окурок в карман, и сказала ядовито:

— Ты на всю жизнь останешься коротышкой. А еще хотел в баскетбол играть.

— Я не курю, — заявил он и вздохнул, а я злобно улыбнулась.

— Конечно, именно это я сейчас и видела: ты не курил.

— Ну чего ты, Дарья, — загнутил Сенька, делая Чугунку какие-то тайные знаки.

— Ничего, — отрезала я сурово. — Марш домой.

Мы покинули кусты и направились в сторону

нашего двора, мальчишки как воды в рот набрали и вообще выглядели пришибленными. Я тоже к продолжению диалога не стремилась, меня одолевали мрачные мысли, потому что Сеньке совершенно нечего было делать в кустах. И если он там все-таки оказался, причина была той же, что и у меня: он хотел взглянуть на дом, где живет Зюзя. Оперативность, с которой он узнал его адрес, внушала уважение. Спрашивается: зачем Сеньке адрес? Ответ напрашивался сам: мой племянник не оставил мысли вернуть фотографию, а если так, зная характер членов нашей семьи, можно смело предположить, что неприятности на этом не кончатся. Точнее, настоящие неприятности только-только начинаются. Одно дело дворовая шпана во главе с Упырем, и совсем другое — какой-то наркоман, да еще, по непроверенным данным, имеющий отношение к господину Шмелеву, который славился в нашем районе не только большими возможностями, но и крутым нравом. В общем, было от чего впасть в отчаяние, потому, подходя к родному подъезду, я уже мысленно набросала текст телеграммы, которую пошлю сестре, а вслед за телеграммой и племянника, причем ближайшим рейсом.

Возле дверей квартиры мы малость замешкались, Чугунок нырнул мне под руку, когда я отпираю замок, я хотела было его шугнуть, но вовремя вспомнила, что он скорее всего голодный, и буркнула:

— Входите.

Мы вошли, разместились в кухне и даже пообедали в молчании, которое сильно смахивало на гробовое. Чугунок уписывал обед за обе щеки и

старательно прятал от меня глаза, а я не выдержала и спросила:

— Про Зюю ты Сеньке рассказал? — Мальчишка возмущенно затряс головой и при этом так выпучил глаза, что я за них начала беспокоиться: как бы не лопнули, но вдруг он сник, шмыгнул носом и кивнул обреченно. — А сам от кого узнал?

— Ты ж сама про Зюю спрашивала. Догадаться нетрудно. А еще я слышал, как Упырь с пацанами болтал, Зюзя этот так разволновался, когда тачку увидел, аж руки затряслись. Соображаешь?

— Соображаю. У Зюзи руки дрожат совершенно по другой причине. Ну и что ты собираешься делать? — накинулась я на Сеньку, тот тоже вытаращил глаза и ответил торопливо:

— Ничего.

— Правильно, — согласилась я, — потому что я тебя к родителям отправляю.

— Дарья! — Голос его сорвался, а на глазах появились слезы, такого я даже не ожидала и растерялась, а Чугунок, косясь на Сеньку, пробормотал жалобно:

— За что?

— За то, что у Зюзинога дома околачивался.

— Я только хотел подойти и спросить про фотографию. Она ведь ему не нужна, номер машины можно переписать на бумажку...

— Если фотография ему не нужна, он ее давно выбросил.

— Ага, — кивнул Сенька.

— Что «ага»? — рявкнула я.

— Выбросил и выбросил, — племянник пожал плечами, а я мысленно чертыхнулась. — Не от-

правляй меня, ладно? — жалобно попросил Сенька, а я опять рявкнула:

— Марш в свою комнату, и чтоб носа оттуда не показывал. А ты вымойся наконец, — накинулась я на несчастного Чугунка, который при этих словах заметно побледнел. — Сенька, найди ему какую-нибудь подходящую одежду.

Оба мгновенно покинули кухню и растворились в полумраке коридора, а я принялась мыть посуду, опять же мысленно ругаясь на чем свет стоит. Мало мне Упыря, теперь только и следи за тем, чтоб Сенька не попал в историю. Надо брать отпуск и увозить его куда-нибудь. Например, в Анапу. Мне давно следует отдохнуть, Анапа самое подходящее место. Только-только я почти согласилась с тем, что мысль эта настолько удачная, что решает все мои проблемы, как другая гениальная идея угнездилась в моем мозгу. А ведь Сенька не так уж и не прав, почему бы не подойти к этому Зюзе, не объяснить, в чем дело, и не попросить вернуть фотографию, если она все еще находится у него. Простота решения произвела на меня магическое действие, я заулыбалась и, вытерев руки, свистнула в окно Кузе. Послушала под дверь Сенькиной комнаты, убедилась, что мальчишки смотрят телевизор, и на цыпочках покинула квартиру.

Кузя ждал меня возле подъезда.

— Дело есть, — сообщила я, и мы направились к Зюзиной «малосемейке».

Дверь балкона в его квартире была распахнута настежь, а так как жил Зюзя на первом этаже, это обстоятельство позволяло надеяться, что хозяин дома. Я посмотрела на Кузю, пытаюсь решить: